

Фрагмент из романа

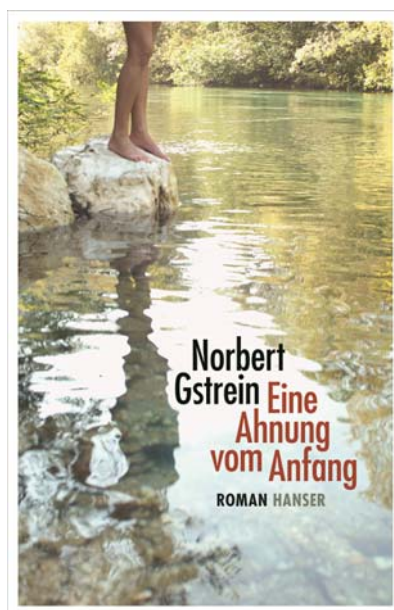
Norbert Gstrein
Eine Ahnung vom Anfang

Carl Hanser Verlag, München 2013
ISBN 978-3-446-24334-7

C. 24-36

Норберт Гштрайн
Предчувствие начала

Перевод Данилы Липатова

II

Уже тогда, на последней неделе школьных занятий, я проводил чуть ли не каждый день на свежем воздухе у реки, сидя на солнце с книгой. За этим времяпровождением не скрывалось никакого особого намерения, кроме стремления как можно скорее отвлечься от учебных будней, и все чаще я через некоторое время откладывал книгу в сторону и принимался расчищать свои владения, которые до сих пор оставались в том же состоянии, в котором достались мне от предыдущего хозяина. Я занимался тем, что выковыривал камни из земли, заросшей луговой травой, складывал их вместе и размышлял, не стоит ли снести их к устью реки, к той полосе галечника, что пролегала прямо перед моим домом, но затем все-таки решил сложить их в кучу рядом со стенами мельницы или скорее с тем, что от них осталось. Все это время во мне уже зрела мысль использовать камни в качестве строительного материала, но пока что это было чем-то скорее неосознанным, ведь после всех этих месяцев, проведенных в стенах школы, я был настолько рад работе на природе вместе с присущей ей мнимой бесцельностью и бесполезностью, что, кажется, именно тогда я впервые понял смысл утверждения, рисующего Сизифа человеком абсолютно счастливым, а все благодаря тому, что в какой-то момент я поймал себя на желании вернуть все в исходное состояние. Тогда бы я мог взяться за работу с самого начала или же просто заняться прополкой и сбором урожая за пределами своих владений, на близлежащих полях и поймах, плавно продвигаясь в сторону деревни, а затем переходя и за ее границы. До этого я постарался справиться с менее приятными делами: убрал весь мусор, застрявший в руинах мельничных стен, бутылки от пива и колы, осколки стекла, обертки, старый ботинок, две сломанные бадминтонные ракетки без струн, а из углов стен вычистил экскременты, человеческие, звериные, чьи именно разобрать уже было невозможно. Наполовину обуглившиеся пеньки из явно многократно использовавшегося кострища я оттащил к реке и сбросил

в воду, а потом еще некоторое время смотрел, как они, лениво покачиваясь, плыли, попадали в водоворот, а затем выходили на стрежень, где их подхватывало мощное течение и уносило прочь. Всю вторую половину дня я пытался откатить последний деревянный обломок, оставшийся лежать в одиночестве, словно подкидыш, однако после первых же трех толчков, в результате которых, собрав силы в кулак, я сумел его приподнять и слегка повернуть вокруг своей оси, мне все-таки пришлось сдаться, кашляя и потев, так что в итоге я бросил его не более, чем в трех метрах от отправной точки, где в лучах солнца еще некоторое время влажно блестел овал свежей земли, пока мало-помалу не зарубцевался.

Ближе к концу второй недели каникул, когда я только было начал возводить ограду из собранных камней, ко мне пожаловали Даниэль и его друг Кристоф. Я уже давно слышал рев мотора мопеда, становившийся громче, если следовать вдоль течения реки, однако не придавал этому особого значения, поскольку случалось это уже не в первый раз, и в предыдущие дни до моих ушей снова и снова доносилось завывание мотора с близлежащей спортивной площадки, той, что располагалась в пойме реки. Никаких посетителей я не ожидал, поэтому в тот момент, когда я обратил на них внимание, а они, должно быть, уже какое-то время там стояли, все окружавшие нас звуки вдруг будто бы смолкли, а журчание воды в реке еще яснее подчеркивало воцарившуюся тишину. Когда я приподнялся, они находились всего лишь в нескольких метрах и пристально на меня смотрели. Они ждали, когда я приближусь к ним вплотную, и лишь потом я осознал, что с веткой в руке, да еще с моей привычной немногословностью, я вряд ли излучал особую приветливость. Мы перекинулись парочкой фраз, и они снова исчезли, а на следующий день объявились опять, уже с бутылкой вина, и спросили, можно ли им ко мне присоединиться, положив тем самым начало этой истории, ставшей в глазах деревенских жителей примером чего-то в высшей степени возмутительного.

На тот момент прошло ровно два года с тех пор, как я приобрел мельницу в придачу с прилегающим участком, и еще два года с тех пор, как я вернулся из Стамбула, где сначала два, а затем еще два года преподавал в Австрийской школе. Два плюс два плюс два, итого, стало быть, шесть лет прошло с тех пор, как одним воскресным утром Роберт спустился к реке, засунул себе в рот ствол ружья, которое, должно быть, намеренно прихватил из Стрелкового общества, и нажал на спусковой крючок. А рассказываю я это потому, что они оба принялись меня об этом расспрашивать, причем с тех пор они были первыми, кто осмелился это сделать и кому в голову пришла мысль, что на такое вообще можно осмелиться.

При всем при этом сначала меня удивило то, что они вообще вернулись. Мне казалось, я ясно дал им понять, что хотел побыть в одиночестве и вовсе не стремился к общению, и на этот раз, едва услышав вдалеке шум мопеда, я сразу же направился в их сторону. У реки какая-то причудливая акустика: некоторые звуки там иногда слышны против всех законов физики; голоса, приносимые порой ветром словно из другого мира, невнятное бормотание в рядах процессии или брнчание колокольчиков пасущихся на лугу коров, напоминающее перезвон небесных колоколов - все это, впрочем, беспокоило меня не больше, чем шум мотора. Готовый ко всему, я смотрел, как они приближались, петляя по поросшей мхом лесной тропинке так медленно, словно по пути им приходилось уворачиваться от рытвин или дождевых луж, куда они, потеряв равновесие, в любой момент могли свалиться. В прошлый раз я не стал их расспрашивать, случайно ли они меня встретили или же узнали от кого-то, что я жил у реки, и поэтому приехали, однако задавать этот вопрос сейчас было поздно, поскольку, почувствовав на себе мой взгляд, они помахали мне в знак приветствия, и я, недолго думая, помахал им в ответ.

Отложив в сторону садовые ножницы, которыми я только что подравнивал буйно разросшиеся кусты, вид которых от этого не стал менее диким, я снял перчатки и сделал несколько шагов в их сторону.

В течение последних месяцев занятий я часто принимал их у себя дома, когда по субботам они по традиции наносили визиты учителям, при этом они возникали перед дверью то у одного, то у другого учителя, ожидая позволения войти, и поэтому меня удивило, насколько чужими они мне показались теперь. Возможно, это как-то было связано со сменой обстановки, с уединенностью места или же с тем, что они до сих пор держали в руках защитные шлемы и не шли мне навстречу. Не то, чтобы я ощущал некую исходящую от них опасность, однако на мгновение, хотя у меня не было на это абсолютно никаких оснований, мне почудилось, что они готовы были на меня наброситься, поскольку за мной из прошлого мог тянуться какой-то непоплаченный долг, сумма которого на протяжении многих лет росла без моего ведома, а теперь пришло время платить по счетам.

В целом Даниэль с Кристофом представляли собой странную парочку. При этом я не имею в виду их поведение в школе и уж тем более то, как они учились, хотя серьезность Даниэля явно выделяла его на фоне Кристофа, чья халатность стала активно проявляться ближе к старшим классам, а, может быть, даже и раньше. Я не говорю про инфантильность или даже некоторую застенчивость одного и бросающиеся временами в глаза хвастливость и неотесанность другого, который, казалось, был таким уже с самого рождения. Нет, речь вовсе не об этом, и не о том, что можно было сказать о них, судя по происхождению и родителям. Я имею в виду то, что, по идее, должно было развести их по разные стороны баррикад, но странным образом еще больше их связывало, а в последний год учебы и вовсе сделало неразлучными - одним словом, это была Юдит, в двух словах - ее расположение, в трех, четырех и пяти - их безответная любовь к ней. Уже год назад я стал свидетелем того, как они почти что одновременно вспыхнули к ней любовью, и их дружба основывалась на том, что ни один из них ее всерьез не интересовал, и при первых же признаках отсутствия взаимности с ее стороны они стали исполнять роль двух вечно иронизирующих поклонников. Казалось, будто

независимо друг от друга они твердо решили перебороть любовную тоску, насмехаясь над своими чувствами, и с тех пор постоянно крутились вокруг предмета своего вожделения, прибегали все к новым уловкам, паясничали, подлизывались и бросались ей в ноги в моменты особого воодушевления. Эту троицу часто видели спускающейся в школьный двор, чтобы покурить, а днем они, взявшись под руки, слонялись без дела, она посередине, рослая, светловолосая, с подчеркнуто выгнутой спиной, не скрывающей, тем не менее, ее еще не до конца оформившуюся фигуру, а слева и справа от нее – два пытающихся превзойти друг друга в остроумии героя-любownika, которые изредка отбегали от нее на пару шагов, надеясь удостоиться ее улыбки, взгляда или хотя бы малейшего замечания.

Без сомнения их тревожное состояние по субботам, их бесконечные разезды на мопеде, их внезапные визиты объяснялись тем, что именно в это время за Юдит заезжал ее друг. Он был на пару лет ее старше, учился уже не здесь и возвращался в город только по выходным, и Даниэль с Кристофом, заметив его машину на парковке у школы, должно быть, много раз, пытались внушить ей не ехать с ним и послать его куда подальше. Тогда она уделяла им еще пять, а может быть, десять минут, выкуривала с ними перед входом по последней сигарете, поддакивала их шуткам, относящимся к ожидающему ее кавалеру, однако как только тот начинал сигналить, срывалась прямо посреди фразы и оставляла их в одиночестве. Не знаю, как они до сих пор продолжали каждый раз провожать ее неверящим взглядом, когда она семимильными шагами спешила прочь, изредка бросая на них через плечо короткие взгляды, размахивая сумкой и смеясь, когда ненадолго замирала на лестничной площадке, прежде чем начинала спускаться по лестнице, ступая осторожно, словно женщина в туфлях на высоких каблуках, и больше уже не обращая на них никакого внимания.

Об этом я невольно вспомнил, когда захотел узнать, что же их снова ко мне привело. Даниэль с Кристофом даже, как следует, не

закрепили свой мопед, они мне не отвечали и продолжали стоять в своих шлемах, будто готовы были в любой момент взять и тут же скрыться при малейшем намеке на то, что здесь им были не рады. Стоял летний день, словно сошедший с картинки, больше тридцати градусов в тени, от жары над лугами стояла блестящая рябь, был слышен стрекот сверчков, и тогда я еще не знал, что Юдит, вместе с которой на протяжении последних учебных недель они практически каждый полдень проводили в бассейне, уехала со своим другом в Италию.

Теперь они весь день проводили со мной у реки, и это был не Даниэль, а Кристоф, кто спросил меня о брате. Сначала мы расположились на каменной лестнице, ведущей к мельнице, и пили вино из прихваченных ими бумажных стаканчиков. Долгое время никто не произносил ни слова, мы просто сидели и прислушивались к шуму реки и к звуку поездов с противоположного берега, на склоне которого на некотором возвышении проходили железнодорожные пути. Затем мы стали спускаться мимо плесов, мелких загнивших лужиц, оставшихся после последних паводков, и мимо желтых табличек, предупреждающих о паводковых водах, пока не ступили на полосу галечника, где чувствовалась вся невероятная ширь русла реки. Я точно не помню, пытался ли Кристоф и ранее направить разговор в эту сторону, но когда он меня спросил, здесь ли все это произошло, я сразу же понял, о чем он говорит, и лишь утвердительно кивнул. Потом мы снова замолчали и устремили взор на водную гладь, и в этот момент мне показалось, что достаточно лишь пристально взглядеться в определенное место на поверхности реки, чтобы в следующую секунду по воде пошла рябь.

Кому-то все описанное мной может показаться не особо впечатляющим, но, тем не менее, в тот день все-таки произошло что-то весьма важное, вполне возможно из-за того вопроса, однако с тех пор они чувствовали за меня некоторую ответственность и старались непременно проводить со мной как можно больше времени. На

следующий день они приехали снова, днем позднее я уже сам загодя ждал звук приближающегося мопеда, а еще через пару праздных деньков, во время которых мы только и делали, что лежали на солнце, читали и болтали, изредка спускаясь к реке, чтобы помочить босые ноги или совершить несколько заплывов в воде, остававшейся ледяной даже в самый разгар лета, они предложили мне обустроить мельницу и сделать ее пригодной для жилья. Конечно же, это идея мне показалась сумасбродной, поскольку там не было ни электричества, ни водопровода, более того, у меня не было необходимых документов на строительство, однако они не стали слушать мои скептические возражения и тут же принялись за работу, а я предоставил им полную свободу действий. Они взяли у отца Кристофа грузовик с открывающимся бортом, отправились на принадлежащую ему деревообрабатывающую фабрику, и, заехав настолько далеко, насколько было возможно, погрузили при помощи тележки в машину весь строительный материал, который им удалось там раздобыть. Я наблюдал за тем, как они штабелями складывали доски, разгружали мешки с цементом, прислоняли к дереву многочисленные рулоны толя, и вот, наконец, на месте всего этого возникла веранда, с которой открывался вид на мерцающий фантастический пейзаж; помимо всего прочего они отремонтировали стены, кое-как вставили окна, одно из которых выходило на реку, а другое прилегало к входной двери, крепившейся на двух кожаных петлях, из нестроганных досок они сколотили крышу, сделав жилище непроницаемым для ветра и непогоды. В итоге у них получилось что-то вроде благоустроенного детского шалаша для уличных игр, до настоящего дома ему было, конечно, далеко, даже если мы ее так и называли, однако, по крайней мере, там всегда можно было укрыться во время дождя, в завершении всего в одной из двух комнат Даниэль с Кристофером повесили керосиновую лампу и принялись без конца спорить, для чего может сгодиться такое убежище.

Не знаю точно, что стало удивлять прохожих раньше: строительные работы или же их с самого начала куда больше беспокоил именно факт нашего странного сообщества. Хотя место купания и располагалось дальше по руслу реки, мне было ясно, что мы привлекали к себе излишнее внимание, когда валялись днем на полосе галечника в коротких шортах, когда вставляли в треугольник и перебрасывали друг другу мяч или когда сидели у костра в ожидании мяса, которое подносили к огню на заостренных ветках. Также сложно определить, когда именно я начал замечать, что случайные, на первый взгляд, прохожие возникали в непосредственной близости от нас вовсе не так уж случайно, и лишь когда однажды со стороны спортивной площадки к нам спустилась компания юнцов, лет десяти-двенадцати, в ярко зеленых тренировочных штанах и светлых безрукавках, остановилась в некотором отдалении от нас, а один из них приблизился и выкрикнул в нашу сторону что-то неразборчивое, но явно рассмешившее его приятелей, я стал догадываться, что мы превратились в предмет местных сплетен. С виду юнцы не казались особо агрессивными, но тут один из них поднял с земли камень, поднял его высоко над головой, словно хотел, чтобы мы получше его рассмотрели, и швырнул его в нашу сторону. Конечно, он не стремился в нас попасть, это скорее был жест, к которому можно было отнестись как к игре, но из-за которого в воздухе вокруг нас повисла опасность, которая не рассеялась и после того, как банда юнцов, с хохотом исчезла.

Мои опасения вскоре подтвердил директор гимназии, позвонивший мне как-то вечером и поинтересовавшийся, все ли у меня в порядке. Каникулы еще были в самом разгаре, и у меня не было ни малейшего желания с ним говорить, однако именно он помог мне получить должность в Стамбуле, когда после смерти брата я сказал, что мне было бы лучше на какое-то время уехать, именно он при малейшем же намеке на то, что я передумал, тут же согласился принять меня назад, и я до сих пор помню, как был тронут тем, что он

навестил меня с небольшой группой коллег сразу же после моего отъезда, в ту самую первую осень, и все время незаметно наблюдал за мной, пока я уверенно водил их от одной достопримечательности к другой, осматривал с ними Собор Святой Софии, Голубую мечеть и дворец Топкапы, с трудом пытаюсь скрыть, что помимо дороги до работы я на самом деле мало что знал в этот городе. С тех пор он продолжал опекать меня, и я не мог этого не заметить, когда раз в несколько месяцев он приглашал меня к себе домой на ужин. Тогда я постоянно задавался вопросом, не сказал ли ему кто-то из учителей, что я будто бы снова начинаю уходить в себя, или, быть может, до него дошли слухи, что в последнее время меня слишком часто видят в кафе «Брукнер», или же ему вообще не требовался подобный сигнал, и все это лишь было проявлением его стремления к постоянному контролю. Признаться честно, через какое-то время все это начало меня утомлять, однако же, я каждый раз честно шел к нему, с бутылкой вина и цветами для его жены. Он мне нравился, мне нравилось, как он меня приветствовал, слегка сухо, всегда похлопывая меня по плечу, вроде бы по-мужски, но вместе с тем заставляя меня почувствовать себя мальчишкой, и мне нравилась его жена, которая говорила, что ему следует сперва дать мне войти, если уж ему так не терпится вовлечь меня в разговор, мне нравилось, с какой нежностью она делала ему упреки, и мне нравилось, что она называла его Карл, поскольку для меня это было имя из детства, оно наполняло мою душу каким-то абсурдным и ничем не оправданным чувством доверия по отношению к его владельцу, это было имя из мира, в котором ничего дурного случиться не могло и в котором, если уж что-то и происходило, всегда находился кто-нибудь, способный все исправить.

Я его, конечно же, так не называл, поскольку, несмотря на наши с ним доверительные отношения, директор гимназии оставался и всегда будет оставаться для меня господином Ашбернером, он же

обращался ко мне на ты, в то время как я пытался прибегать ко всевозможным уловкам, чтобы не следовать его примеру.

«Правду ли говорят, что ты проводишь много времени на свежем воздухе у реки? – поинтересовался он, и его голос звучал встревоженно. - Ты же скажешь мне, если тебе понадобится моя помощь».

Возможно, дело было в знакомстве с моим отцом, а, может быть, в том, что у него рано умер сын, которого он никогда не упоминал в разговоре, но вполне возможно, что никакого объяснения его заботе вообще не существовало.

«Разве ты не хотел уехать?»

В последний день учебного года он вызвал меня к себе и спросил, какие у меня планы на каникулы, на что я ответил ему, что хотел бы куда-нибудь уехать, но пока не знал точно куда, хотя тогда я уже начал совершать свои вылазки к реке и не мог и помыслить, что в ближайшее время стану проводить время как-то иначе.

«Да, но потом я все-таки передумал, - ответил я. - Кроме того, до начала занятий в школе еще осталось целых четыре недели».

В трубке слышалось недовольное ворчание, и мне представилось, что в эту минуту позади него стояла жена, постукивала его по плечу и нашептывала ему что-то на ухо.

«А что у тебя с этими мальчишками?»

«А что с ними?»

«Ну, ты же знаешь людей».

Он был человечком тактичным, и я полагался на то, что в нужный момент он остановится, однако же, он упорно продолжал.

«Все только и делают, что судачат об этом, - сказал он. - Они, конечно, уже не твои ученики, но все-таки нехорошо, если ты позволишь себе проявить подобную слабость».

До этого я вовсе не рассматривал эту ситуацию с подобного ракурса, двое мальчишек у реки, а с ними мужчина, который в данном случае не только никоим образом не ассоциировался у меня с самим собой, но и чья роль в этой сомнительной истории представлялась мне не до конца ясной. И тут перед моими глазами снова возник момент, когда Даниэль, прерывисто взвизгнув, словно ребенок вбежал в мелководье и помчался вдоль берега вверх по течению реки, загребая воду руками или скорее размахивая ими так, словно вот-вот оторвется от земли, выбрасывая ноги то влево, то вправо, я же бросился вслед за ним. Восприняв это как вызов, я гнался за ним до тех пор, пока не настиг, а затем, подчинившись внезапному порыву, обхватил его руками и на мгновение заключил в объятия, а, может быть, чуть дольше, чем на мгновение, да, кажется намного дольше. Даниэль стоял совершенно спокойно, слегка склонившись вперед, а я положил руку к нему на грудь, и поймал себя на мысли, что его кожа до сих пор оставалась прохладной от брызг воды, а под ней я различал биение его сердца. Вот и все, больше ничего не было, и он, так же как и я, не воспринял случившееся, как нечто особенное. На обратном пути он шел рядом со мной и ни словом не упомянул произошедшее, вместе с тем это не было похоже на красноречивое молчание, как могло показаться на первый взгляд, он вел себя как обычно, у него и в мыслях не было каким бы то ни было образом обсуждать случившееся или, наоборот, избегать этой темы из чувства смущения, и вся абсурдность ситуации состояла в том, что теперь я судорожно принялся размышлять, мог ли нас тогда кто-нибудь видеть, случайный прохожий или кто-нибудь из местных зевак, которые, вероятно, как всегда ошивались в подлеске неподалеку от места купания и почему-то всегда представлялись мне героями старушечьих баек.

«Проявить слабость?»

Директор откашлялся.

«Ну, возможно, это не совсем слабость».

Перед последним словом он выдержал долгую паузу, словно ему сперва хотелось посмаковать это слово, но в итоге, кажется, остался еще более доволен своей формулировкой, чем был готов сам себе признаться.

«Нет смысла спорить о том, что подчас для вещей сложно подобрать точное выражение, но ты же понимаешь, о чем я говорю, - сказал он. - Я только хочу попросить тебя, чтобы впредь ты вел себя немного осторожнее».

Я не знал, как мне распорядиться этим советом, и единственным его возможным следствием стало то, что с того момента я начал гораздо отчетливее видеть все вокруг. Мальчишек я в это решил не посвящать, однако когда Даниэль, лежа с книгой на солнце, вдруг положил голову мне на колени, мне пришлось немного отстраниться от него, а когда после очередного заплыва Кристоф растянулся голышом на плоской, слегка выступавшей в воду скале, я тут же бросил ему полотенце. Я посоветовал им что-нибудь на себя накинуть, когда они направились в своих коротких шортах к месту купания, однако в ответ они, конечно же, только расхохотались и спросили меня, считаю ли я, что они до сих пор в школе, а, иначе, зачем мне строить из себя блюстителя нравов. Прохожих, слишком близко приближавшихся к моему участку, я теперь разглядывал так же пристально, как они нас, но когда я уже начал прикидывать, что видно из окон проезжающих по противоположному берегу реки поездов, которые раздражающе замедляли свой ход на этом участке дороги и вагоны которых, казалось, одновременно проносились как перед, так и за стволами деревьев на откосе, что напоминало картину художника-сюрреалиста, я осознал, что все это было безумие, и тут же отбросил эти мысли. Я наблюдал за рафтерами, разбившими свой лагерь далее по течению реки, еще дальше, чем наше место для купания, и сплавлялись вниз

по течению на своих огромных надувных лодках, одновременно десять, двенадцать и более человек, которые всегда пребывали в приподнятом настроении, предвосхищая свое появление звонким смехом и со смехом же исчезая из виду, все это напоминало нашествие добродушных завоевателей, разряженных в шлемы и спасательные жилеты. Едва поравнявшись с нами, они дружно поднимали весла в знак приветствия, отсюда им оставалось не более трех минут до входа в расселину с ее стремительными порогами, где им требовалось предпринять множество умелых маневров, чтобы не отклониться от курса и не допустить, чтобы лодка перевернулась. Там, внизу, я никогда не был, хотя, когда вода спадала, туда можно было идти прямо вдоль берега чуть больше, чем за полчаса, однако мне было известно, что туда время от времени приносили цветы, и потом, еще много дней спустя, там горела свеча, которую вероятно было видно ночью со стрежня.